

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ФЕДОР
ТЮТЧЕВ

Зима не даром злится...

МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
Т98

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Тютчев, Федор Иванович.

Т98   Зима недаром злится... : стихотворения /
Федор Тютчев. — Москва : Эксмо, 2025. —
320 с. — (Всемирная литература (с картин-
кой)).

ISBN 978-5-04-204272-0

Федор Тютчев — выдающийся русский поэт XIX века, без чьих стихов невозможно представить отечественную поэзию.

Его произведения отличаются глубоким философским содержанием, изящным стилем и богатством языка.

Сборник стихов Тютчева — настоящая сокровищница, в которой каждое стихотворение — отдельный самоцвет, сияющий своим уникальным светом.

Его произведения способны вдохновлять, утешать, заставлять задуматься.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-04-204272-0

© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

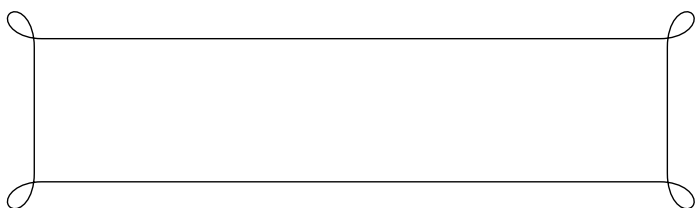
.....
—————

ВСЕ ВО МНЕ
И Я ВО ВСЕМ

*Жизнь и поэзия
Федора Тютчева*

—————
.....

Место Тютчева в истории русской поэзии немного противоречиво. Для массового читателя его имя все-таки и сейчас значит меньше, чем имена Лермонтова и Некрасова, не говоря уж о Пушкине. Но для людей, погруженных в культуру, его фигура выглядит титанической и уникальной. И это при том, что все наследие Тютчева — около четырехсот коротких стихотворений, а если отбросить малоудачную политическую лирику, стихи на случай и юношеские опыты, останется, пожалуй, не более двухсот текстов. Но эти две сотни стихотворений принадлежат к незабываемым вершинам искусства и человеческого духа.

Федор Иванович Тютчев прожил долгую для своего времени, но небогатую событиями жизнь. Он родился 23 ноября (5 декабря) 1803 года в усадьбе Овстуг Брянского уезда Орловской губернии. Дворянский род Тютчевых упоминается с XIV века. Дед поэта, секунд-майор Николай Тютчев, был любовником кровавой Дарьи Салтыковой; брошенная Салтычиха затем покушалась на его убийство, но неудачно (и, кажется, это самая яр-

кая страница в истории рода вплоть до XIX века). Иван Николаевич Тютчев, надворный советник, смотритель экспедиции кремлевского строения, постепенно разоряющийся брянский помещик, был мало чем примечателен. Жена его Екатерина Львовна происходила из нетитулованной ветви рода Толстых. Федор был вторым из троих выживших детей в этой семье.

Уже в детстве Федор Тютчев проявил яркие литературные способности. По счастью, его домашним учителем был Семен Егорович Раич, небольшой поэт, но выдающийся литературный педагог. Впоследствии Тютчев входил в «кружок Раича», состоявший из его прежних воспитанников; в их числе были поэты Степан Шевырев, Дмитрий Ознобишин, Михаил Дмитриев, прозаик князь В. Ф. Одоевский, историк М. П. Погодин и другие. Освоив под руководством Раича древние и новые языки, получив основательную филологическую подготовку, Тютчев уже в 12–13 лет успешно переводил Горация и писал звучные стихи в традициях XVIII столетия. В пятнадцатилетнем возрасте он стал членом Общества любителей российской словесности. Одновременно он учился в Московском университете, диплом которого получил в 1821 году, неполных восемнадцати лет. Год спустя он поступил на дипломатическую службу и вплоть до 1844 года жил преимущественно в Германии и Италии, бывая в России лишь наездами.

Дипломатическая карьера Тютчева не была особенно успешной и оборвалась в 1839 году из-за оплошности: Федор Иванович, исполнявший

обязанности консула в Турине, без предупреждения уехал оттуда по своим делам, да еще потерял дипломатические шифры. Этому предшествовали скандалы, связанные с его личной жизнью. В 1825 году Тютчев по страстной любви женился на вдове другого русского дипломата Элеоноре Петерсон, урожденной графине Ботмер. Но уже в 1833 году начался его роман с баронессой Эрнестиной фон Дёнберг. Метания между двумя женщинами привели в 1836 году к попытке самоубийства Элеоноры, получившей огласку. Два года спустя жена поэта (вместе с тремя детьми) чудом спаслась при пожаре на пароходе — но вскоре умерла от болезни. Тютчев в ночь ее смерти поседел — что не помешало ему менее чем через год жениться на Эрнестине. В счастливом браке с ней Тютчев жил до самой кончины, при этом имея параллельные семьи — сперва с Гортензией Лапп, затем (в 1850—1864) с Еленой Денисьевой. От всех этих женщин у Тютчева было одиннадцать детей, большинство из которых дожили до взрослого возраста. Эта бурная любовная жизнь — кажется, самое яркое, что было в человеческой, житейской биографии Тютчева.

Несмотря на блестящее начало, гений Тютчева дальше развивался небыстро. В поисках собственного голоса проходили годы. В первые годы жизни в Германии он дружески сблизился с восходящей звездой немецкой поэзии — Генрихом Гейне, и первым переводил его стихи на русский. Но индивидуальности поэтов были слишком далеки; да едва ли и сам Гейне, неоднократно с симпатией упоми-

навший о Тютчеве как об остроумном и благожелательном собеседнике, даже отдаленно осознавал, что перед ним — великий русский поэт.

Впрочем, великим поэтом Тютчеву еще только предстояло стать. 1825 годом датируется первое по-настоящему «тютчевское» по теме и тону, хотя еще неровное стихотворение — «Проблеск». Год спустя появляется не опубликованное при жизни, а позднее знаменитое «14 декабря 1825». В нем впервые появляется излюбленная тютчевская форма — два восьмистишия, содержащие тезу или анти-тезу, или тему и ее развитие. Позиция поэта сложна и полна противоречий: в первой строфе он сурово осуждает мятежников, во второй — демонстрирует нечто большее, чем просто «милость к падшим»:

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула,
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.

Можно считать это стихотворение первым образчиком политической лирики Тютчева — и самым удачным. К 1830-м годам в сознании Тютчева сложилась концепция панславизма, призванного противостоять пангерманизму, но зеркально с него скопированного. Всеславянская империя во главе с русским царем призвана была сопротивляться не только германскому порабощению, но и губительной революционной стихии.

О масштабах геополитических фантазий Тютчева и об их адекватности дают представление следующие строки:

Москва, и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам их судьбы обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.

Хотя в 1840-е годы Тютчев по поручению властей написал на французском языке ряд публицистических статей, оправдывающих российскую политику («Письмо к доктору Кольбу», «Россия и революция», «Папство и римский вопрос»), его лунатический империализм был временами чрезмерен даже для Николая I, и поэта-мечтателя мягко одергивали. Но, главное, этот комплекс идей оказался бесплоден для тютчевской поэзии. Лишь считанные стихотворения, непосредственно вдохновленные политическими переживаниями, вошли в его «золотой фонд». Кроме «На 14 декабря 1825» это, к примеру, «Как дочь родную на закланье...» (1831) — стихи на подавление польского восстания, в которых об унижении и гибели «орла одноплеменного» говорится в трагическом тоне, хотя оно и оправдывается «высшим призванием» России. Но такая сложность мысли и чувства в политической поэзии Тютчева — исключение.

Тем не менее вовлеченность в политическую борьбу эпохи сказалась в обостренном и взволнованном восприятии Тютчевым истории как таковой. Без этого взгляда в русской поэзии не было бы бес- смертных строк:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был –
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Чтобы закончить с этой темой, заметим еще, что вера в духовное призвание России и ее геополитическое величие сочеталась у Тютчева с отстраненным и безразличным отношением к русской жизни в ее житейской конкретности. Он вольготнее чувствовал себя за границей, и «бедные селенья», которые «царь небесный исходил, благословляя», умиляли его лишь из окна экипажа или вагона — а чаще угнетали или пугали:

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья –
Жизнь отошла — и, покорясь судьбе,
В каком-то забытии изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе.

Трудно представить себе, чтобы поэтическое воображение Тютчева заняла, как у Лермонтова, «пляска с топаньем и свистом под говор пьяных мужиков». Но величие его в ином.

Уже в 1828—1830 годы Тютчев переживает первый и удивительный взлет дарования. Второ-

степенный поэт «из ряда» внезапно становится гением. В эти годы пишутся «Весенняя гроза», «Летний вечер», «Снежные горы», «Бессонница», «Безумие», «Sillentium!», «Mala'aria», «Цицерон», «Осенний вечер», «Как над горячею золой...», «Как океан объемлет шар земной...», «Последний катаклизм» — и это далеко не полный список шедевров. Формируется поэтика Тютчева — не на ровном месте, конечно. Духовная база тютчевской лирики — немецкая романтическая философия, в особенности идеи Ф. Шеллинга. Природа для него — цельное и одухотворенное космическое начало. Источник трагизма — разрыв человека с этой цельностью, его (говоря языком XX века) экзистенциальное одиночество, несовершенство языка и невозможность глубинного контакта между людьми. Русской поэзией весь этот круг тем еще не был освоен и пережит — по крайней мере, с такой интенсивностью. Для Пушкина, погруженного в тайны конкретного, посюстороннего, разворачивающегося в пространстве и времени бытия, эти темы были чужды или по меньшей мере периферийны. Баратынский лишь приближался к их освоению, его великие «Сумерки» были впереди. Правда, были молодые поэты, интересовавшиеся философией своего времени и пытавшиеся сделать ее предметом поэтического осмысления. Это были члены Общества Любомудрия, сотрудники «Московского вестника» — прежде всего Дмитрий Веневитинов и уже упоминавшийся Шевырев; но первый очень рано умер, второй вскоре почти оставил поэзию ради филологической науки.

Новые темы требовали собственного языка. Язык элегии и баллады, разработанный Жуковским и его последователями, не годился. Пушкинская «гармоническая точность» тоже не вполне удовлетворяла. Правда, в 1820-е годы была и школа, стремившаяся к возрождению (в новом контексте) высокой одической традиции XVIII века и ее «архаического» языка, и один из ее идеологов, Вильгельм Кюхельбекер, был близок к любовудрам. Тютчев тоже не чуждается архаизмов и славянизмов; они парадоксальным образом помогают ему выразить совершенно новые, почти «модернистские» чувства и мысли:

Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
Благоухания, цвета и голоса,
Предвестники для нас последнего часа
И усладители последней нашей муки —
И ими-то Судеб посланник роковой,
Когда сынов Земли из жизни вызывает,
Как тканью легкою свой образ прикрывает,
Да утаит от них приход ужасный свой!..

Как для одописца в момент «восторга», время для Тютчева останавливается. В отличие от своих великих современников — Пушкина, Лермонтова, Баратынского, — он вступает с бытием в сложные, напряженные, конфликтные отношения, которые могут разрешиться только здесь и сейчас, в конкретное, неповторимое мгновение. Поэтому сам интонационный строй его лирики иной. Ю.Н. Тынянов рассматривает тот тип стихотворения, который создал Тютчев, как плод разложения большой одической формы, как «фрагмент оды». Но этот фраг-

мент всегда имеет начало, кульминацию и завершение; в нем очень часто слышно несколько спорящих друг с другом голосов.

Другой литературовед, Л. В. Пумпянский, отмечает бесконечное варьирование у Тютчева одних и тех же образов и мотивов, которые каждый раз по-новому озвучиваются и осмыслиются. «Нет у Тютчева ни одного высказывания, быть может, даже ни одного значащего стиха, который не был бы окружен родственной атмосферой других высказываний и стихов, принадлежащих к тому же тематическому гнезду».

В еще большей степени все эти черты поэтики проявились в стихах Тютчева 1830-х годов. Именно в этот период Тютчев охотнее всего прибегает к форме 16-строчного стихотворения, состоящего из двух восьмистиший. Его влечение к «древнему Хаосу» и одновременно страх перед ним, желание «слиться с беспредельным», взломать границы своего я — все это достигает крайней степени:

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул –
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальный гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем!..

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, темный, благовонный,
Всё залей и утиши.

Чувства мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

Тютчевский гений был в полном расцвете. Но он совершенно не был известен и оценен как поэт и даже не пытался изменить это. То ли по велению души, то ли из гордости он избрал позицию «дилетанта», равнодушного к судьбе своих творений и не претендующего на место в «цехе задорном» литераторов. Стихи Тютчева публиковались редко и в изданиях второстепенных (главным образом, в альманахах «Галатей» и «Денница»), часто под инициалами. Критика и коллеги просто не замечали этих публикаций. Вот знаменитый пример. Молодой критик И. В. Киреевский в статье «Обозрение русской поэзии на 1829 год» («Денница», 1830) говорит о Тютчеве как об одном из «поэтов немецкой школы» — наряду с Шевыревым и Алексеем Хомяковым. Но имя Тютчева, который «в прошлом году напечатал только одно стихотворение», лишь упомянуто, а Шевыреву и Хомякову дана подробная характеристика. Пушкин, сочувственно отзываясь на статью Киреевского («Литературная газета», 05.02. 1830), пишет: «Из молодых поэтов немецкой школы г. Киреевский упоминает о Шевыреве, Хомякове и Тютчеве. Истинный талант двух первых неоспорим». Тынянов полагает, что Пушкин сознательно отвергает и принижает поэтику Тютчева, как противоположную его собственной. Но гораздо вероятнее, что стихи молодого автора просто не привлекли к тому времени

его внимания. Шесть лет спустя, в 1836 году, Пушкин в два приема, в двух номерах, публикует в «Современнике» 22 стихотворения Тютчева под общим названием «Стихотворения, присланные из Германии». К Пушкину стихи Тютчева попали через молодого дипломата И. С. Гагарина, который сперва показал их Жуковскому и Вяземскому — а уже они передали их Пушкину. В любом случае публикация такого объема была знаком признания. Пушкин мог видеть в Тютчеве не близкого себе поэта — но несомненно видел поэта большого. Сам же Тютчев отзывался о Пушкине с восхищением и посвятил его памяти знаменитые строки:

Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..
Назло людскому суесловью
Велик и свят был жребий твой!..
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах... знойной кровью.

Есть, правда, и анекдот о том, что Тютчев приехавший в 1837 году ненадолго в Россию и ждавший разрешения на возвращение в Германию, на сообщение о том, что Дантес за убийство Пушкина выслан из России, мрачно пошутил: «Пойду Жуковского убью».

Тютчев вернулся в Россию в 1844 году. Вскоре он получил службу в Комитете иностранной цензуры при Министерстве иностранных дел. В этом управлении, которое контролировало допуск в Россию иностранных книг, он прослужил до самой смерти.

С 1858 года он возглавлял Комитет, в чине действительного статского, а с 1865-го — тайного советника (что соответствовало генерал-лейтенанту). Из русских поэтов первого ряда более высокий чин был лишь у Державина. В Комитете под началом Тютчева служили и другие поэты — Аполлон Майков и Яков Полонский. Сам Тютчев впоследствии охарактеризовал их работу так:

Веленью высшему покорны,
У мысли стоя на часах,
Не очень были мы задорны,
Хотя и с шуцером в руках.

Мы им владели неохотно,
Грозили редко и скорей
Не арестантский, а почетный
Держали караул при ней.

Тем не менее и под тютчевским началом каждый год цензура запрещала до 150 книг (втрое меньше, правда, чем при Николае I). Это были не только революционные сочинения, но и книги, неканонически трактующие те или иные эпизоды русской истории, философские и богословские книги, «враждебные православию», эротические сочинения и проч.

Тютчев не отказывался (несмотря на разочарования Крымской войны) от своих панславистских утопий; во внутриполитических вопросах он оставался «просвещенным консерватором» и (теоретическим) националистом. В любом случае, современники запомнили его остроумным салонным собеседником, а не мрачным фанатиком. Кем он,

однако, не хотел считаться и казаться — это литератором.

В первые годы после «Стихотворений, присланных из Германии» Тютчев становится постоянным автором «Современника». Но после 1840 года он перестает печататься и до 1848-го почти не пишет стихов. Естественно, он был забыт. Однако в первом номере «Современника» за 1850 год была помещена статья нового редактора журнала Николая Некрасова. Вся вторая половина статьи была посвящена загадочному Ф.Т. и его былым публикациям в журнале — при Пушкине и сменившем его в качестве редактора П. А. Плетневе. Некрасов объявил Ф.Т. поэтом, сопоставимым с Пушкиным и Лермонтовым, и перепечатал в составе статьи 24 его стихотворения. Так Тютчев был снова «открыт», вновь — другим великим поэтом, причем таким, чья индивидуальность была уж совсем полной противоположностью его собственной. После этого стихи Тютчева вновь стали публиковаться, а в 1854 году вышла его первая книга, составленная И. С. Тургеневым, — с, увы, «исправленными» текстами. Прежде всего Тургенев выправлял отклонения от канонических силлабо-тонических размеров, которые для Тютчева всегда были характерны и придавали его стихам особую остроту:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

В книге 1854 года четвертая строка читалась: «И встанут. и зайдут оне».

Вторая прижизненная книга Тютчева была напечатана под присмотром его зятя, известного публициста-славянофила И. С. Аксакова, в 1868 году. Двадцать лет спустя еще один великий поэт, Афанасий Фет, пишет стихотворение «На книжке стихотворений Тютчева»:

Вот наш патент на благородство, —
Его вручает нам поэт;
Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченной жизни цвет...

Сам Тютчев, однако, издание этих книг не особенно одобрял — и всячески демонстрировал равнодушие к судьбе своих стихов.

Поздний Тютчев — поэт не менее великий, чем ранний; но это несколько иной поэт. Сразу же бросается в глаза изменение интонации. Голос больше не напрягается, он становится мягче, расслабленной. Внимание Тютчева по-прежнему приковано к «мгновенному», его стихи редко разворачиваются во времени, но это мгновение переживается не экзотически. Связи с одой XVIII века гораздо слабее, архаические обороты встречаются, но реже. Тютчев остается метафизиком и визионером, но ему теперь гораздо важнее, чем прежде, человеческое, земное измерение вещей и явлений.

Сравним два стихотворения, в которых Тютчев развивает схожую лирическую мысль (это одно из тех «повторений», о которых говорит Пумпянский). Первое — «День и ночь» (1839). Вот его завершение: